

Анатолий Цирульников

Страна разных возможностей

Другие входы в культуру

Статья Андрея Русакова «Ответственность культуры и культурное многообразие», опубликованная в начале этого года в «ДН»¹, по-моему, одна из тех редких, на которые невозможно ответить сразу, требуется пауза, переосмысление поднятых в ней пластов, смыслов, ориентиров... Такие статьи появляются, может быть, раз в полвека и более, они, как звезды первой величины, сразу бросаются в глаза, с первой строчки обозначают, что перед тобой не рядовая культурологическая статья, а явление. Крупное явление в культуре, заставляющее посмотреть по-иному на наше прошлое, современное и будущее.

При этом статья столь ясна, что ее суть можно передать в нескольких абзацах. О чем она? О том, что во времена, которые мы переживаем, русская культура, вернее, то представление о ней, которое доминирует в общественном сознании («великая русская литература Толстого и Достоевского»), не справляется с реальной жизненной ситуацией (тут, впрочем, уместно вспомнить Юрия Нагибина, который замечал, что ни Шекспир, ни Гёте, ни Толстой не спасли мир от фашизма и ядерной бомбы, но страшно себе представить, что было бы, не будь Шекспира, Гёте и Толстого).

Впрочем, это не отменяет справедливости общего приговора автора: «высокая» русская культура перестала срабатывать, мы наблюдаем «отсутствие отдачи от культурного наследия». Если под «отдачей», уточняет Русаков, понимать конструктивную роль национальной культуры для жизнеспособности страны: национального взаимопонимания, вменяемости общественных отношений, выработки ориентиров общественной мысли.

Почему так случилось?

Не буду пересказывать автора, чья аргументация представляется убедитель-

Анатолий Маркович Цирульников — ученый и писатель, академик Российской академии образования, доктор педагогических наук, профессор. Автор оригинальных трудов по истории школьных реформ, этнокультурным проблемам образования, развитию инноваций, проблемам сельской школы; основатель ряда новых направлений в науке, в том числе социокультурного подхода к развитию образования в регионах. Лауреат премии Союза журналистов России (2004) и ряда центральных изданий; книги автора отмечены как лучшие работы по развитию современного образования (2004, 2006, 2008). Постоянный автор «Дружбы народов», лауреат специальной премии нашего журнала «От Урала до Дуная» (2010).

¹ См. «Дружба народов», 2016, № 1.

ной. Важнее другое. «Мы не можем легко поменять культуру, — пишет Русаков, — но можем по-другому ее увидеть, по-другому осознать».

Для этого надо уйти от кажущейся нам единственно возможной системы отсчета, при которой русская культура сводится к «классике», «высокой литературе», набору школьных хрестоматийных имен. Уйти от узкой части видимого спектра, двух с половиной «фильтров», через которые просеивается многообразная деятельность людей, живущих в России, и вспомнить о других входах в культуру, других ее пластах, реалиях, которые были естественны когда-то, а теперь...

Материнский язык

Наблюдающаяся глухота центра к окраинам. Пренебрежительное отношение к национальным культурам российских народов. Сегодня это очевидная реальность. Одно из последних, по-моему, поразительных подтверждений — концепция преподавания русского языка и литературы в Российской Федерации.

В одном из проектов этого документа, разработанного ученой комиссией под руководством спикера госдумы, предлагается в обязательном порядке везде в России вести преподавание основных предметов на русском языке, начиная с начальной школы. Даже в детском саду желательно разговаривать и играть по-русски.

Дивисься предложениям авторов концепции, которая уже вызвала протестующие письма из национальных республик. В угоду политической конъюнктуры некоторые специалисты позабыли азы классической русской педагогики К.Д.Ушинского, который более чем полтора столетия назад объяснял, что для нормального развития ребенка обучение в начальной школе должно проходить на родном (материнском) языке. Причем относил он это прежде всего к детям, как тогда говорили, «инородцев».

В комиссии есть серьезные, уважаемые ученые, и мы надеемся, что возобладает здравый смысл. Как жалко, серо выглядит очередное издание имперской русификации на фоне многоцветья и разнообразия современных национальных культур и педагогических практик! Мы постарались осветить их в недавно завершеном проекте: восемнадцати книгах образовательных путешествий по России под названием «Неопознанная педагогика» (инициатор и редактор этой серии — А.Русаков)¹. Даже на фотографиях видно разнообразие культурных ландшафтов Алтая, Башкирии, Бурятии, Вологодской области, Марий Эл, Кубани, Калмыкии, Якутии...

«Другие миры русской культуры — не фон, не сырье, не обрамление, они — огромные явления, которые совсем иначе организованы, в которых мы обнаружим другие заботы, ценности, правила, способы самоорганизации».

«Областничество» и культура региональной идентичности. Культура научная. Культура крестьянская. Культура в «горизонтальном» рассмотрении: где «узлы» важнее «вершин». Культура педагогическая. Культура, созданная для мира детства...»

Рассмотрим вслед за Андреем Русаковым некоторые из них.

¹ Многие из очерков, вошедших в книгу, были первоначально напечатаны в «Дружбе народов». (Прим. ред.)

Культурные бюрократы

Возьмем самый неблагоприятный вход в культуру — государственный. Казалось бы, уж какой-какой, а этот хорошо известен. Но знаете ли вы, что такое культурные бюрократы?

В 1915 году в российском ведомстве произошли кадровые изменения — пришел новый министр просвещения Павел Игнатьев. Популярный в то время в обществе вопрос — «мы» и «они» — он решал по-своему. Кто же были эти «мы» и кто — «они»?

«Они» — это не мы. Мы все понимаем, хотим, можем, но из-за «них» у нас не получается. Это «они» не хотят, не понимают, не могут. Поэтому приходится с «ними» бороться. Какими средствами? Для Павла Николаевича Игнатьева вопрос заключался не только в средствах. Он сомневался в постановке самого вопроса. Полагал, что есть только «мы», граждане России...

Это был культурнейший человек своего времени. Земского склада. Чутко вслушивавшийся в общественный интерес. Шедший навстречу требованиям жизни. И ужасно не любивший формализма.

В его служебной переписке еще в бытность товарищем главноуправляющего встречаются выражения: «не языком зеленого сукна», «не быть сановным говоруном», «скверная российская привычка: всегда начинать с того, что хапать». О многом он думал не только по служебным обязанностям. «Глубочайшее сознание, что без "человека" история не делается, а именно этого, главного, не видно, естественно, наталкивает на искание мучительного — "кто?!"»

И вот в разгар Первой мировой войны начинается уникальная реформа образования, от народных детских садов до университета. Идет бурное обсуждение, участвуют все слои общества. В том числе — «культурные бюрократы». Вглядываясь в их лица, я думаю, что мы напрасно жалуемся на власть бюрократов. Где они? Последний культурный бюрократ вымер после революции, а за ним, думаю, и обыкновенный, у которого в бумагах тоже полный ажур, который отвечает на любой запрос, записку не позднее двухнедельного срока (в этом я убедился, просматривая в архиве служебную переписку). Другое дело — *что* отвечает. А уж культурный бюрократ — нет, это вообще для нас что-то пока невообразимое. Но министр Игнатьев имел в виду именно этот «старый опыт русского сановника, чутьем знающего, *что* сейчас нужно, и не требующего велеречивых доказательств, напротив, многословие его смущает...»

Культурные бюрократы — это была сила. Благодаря им в России существовало законодательство. Сохранялась смета... Во время русско-турецкой войны граф Дмитрий Андреевич Толстой — тоже не из последних лиц в истории, министр народного просвещения — выдвинул благородную задачу: воспитать патриотов. А для этого предложил урезать смету по народному просвещению. Но ему неожиданно ответил военный министр, фельдмаршал граф Милютин: «Нет, это мое дело, — заявил он. — Я как военный министр чувствую нужду в распространении образования, для нас, военных, это — первое, главнейшее дело!»

И благодаря культурному бюрократу, военному министру, смета по народному просвещению была сохранена. А в Первую мировую даже увеличена на 30 млн рублей золотом. Именно благодаря культурным бюрократам из военного

ведомства в России были открыты первые женские медицинские курсы, благодаря ведомству финансов, торговли и промышленности создан новый тип школы — коммерческое училище и политехнический институт, в ведомстве земледелия существовал комитет грамотности. «И столько другого, — сообщала петроградская газета «Школа и жизнь», — чему будущие поколения будут с трудом верить».

Министр, который никому не нужен

Впечатляющий пример из того же ряда — Александр Васильевич Головнин. В историческом архиве в Петербурге я нашел его рукопись полутора столетней давности под названием «Записки для немногих». Из них можно узнать, что думал автор, статс-секретарь Головнин, о высоком положении министра народного просвещения. «В нем, — заметил он, — никто не нуждается, никому он не может быть полезен и нужен».

Действительно, а кому он нужен? Что с него взять? Примечательно, что этот вывод сделан в золотом XIX веке, когда в России существовало одно из самых культурных правительств за всю ее историю.

Записки Головнина не только объясняют, в чем причина провала знаменитой административной и государственной реформы Александра II (да и всех прочих наших реформ), но и являют образец той духовной «управленческой культуры», в сравнении с которой представители современного «русского менеджмента» выглядят так, будто только что слезли с дерева.

Вот несколько штрихов к портрету Головнина.

Среди членов правительства он был, кажется, самый младший. Сын некогда известного морского исследователя, писателя, адмирала. Широко образован, владел пятью языками. Сохранилась единственная старинная фотография — маленький сутулый человек. Внешне очень некрасивый, но симпатичный. Говорили, что ему была свойственна какая-то редкая «утонченная вежливость». Казалось бы, что особенного в тот век, для людей его круга? А вот запомнилось. Был он сдержан, полностью лишен не только злобы, но даже раздражительности. О своих политических противниках, которые принесли ему много зла, не позволял себе ни одного резкого недоброго слова. Если приходилось говорить о ком-то из них официально, в высших учреждениях, общественных гостиных, всегда выставлял достоинства и молчал о недостатках. Что еще запомнилось? Был трогательно верен друзьям, тверд в убеждениях. Стоило человеку, достойному уважения, сойти с поста, лишиться власти и былого значения, как Головнин, напротив, усиливал свое внимание и уважение именно к этому лицу.

Водились за ним и странности. Единственный из членов правительства он не носил министерского фрака, даже не имел визитных карточек министра.

Россия без дураков

После объявления царского манифеста новое правительство начало реформы. Оказалось, что в России это не так просто. Проекты были красивы на бумаге, но вязли в бездорожье и Государственном совете (что-то вроде верховного законодательно-совещательного органа, там сидели люди старой закалки).

Воровать стали больше, чем при Николае I. Местное самоуправление бездействовало, а административный аппарат наместников государя рос не по дням, а по часам.

На фоне трудностей государственного масштаба ведомство народного просвещения мало кого интересовало. В то время это было богом забытое заведение, напоминавшее, по словам современников, Луку Лукича, смотрителя городских училищ из гоголевского «Ревизора». И вдруг ожило.

Новый министр обратился к людям разных кругов общества, партий и убеждений с предложением дать правдивую картину положения дел. Давно этого никто не спрашивал, и многие откликнулись. В «Журнале Министерства народного просвещения» из номера в номер начали печатать для всеобщего обозрения отчеты, справки по каждому учебному округу и заведению. Посыпались горы предложений, записок, мнений, проектов от русских педагогов, ученых и даже из-за рубежа. Собралось два тома «Взглядов на высшее образование» (было и на «низшее», но в архиве не нашел). Зашумели учительские съезды, задумались ученые сообщества. Что Россия? Как Россия? В то время в ней строили заманчивые планы: «Предпринимательство и частный капитал — мощные рычаги подъема русской промышленности», «Парламент наподобие западноевропейского», «Конституционная монархия!» Славные планы. А вот как бы построить страну без дураков? Говорят, об этом мечтал даже Николай I, но, как признавался сам, «не нашел прямого сочувствия в семействе». Как это, Россия — и без дураков? Без дураков, но с воскресными школами, с публичными лекциями «О мощении дорог», «Об освещении домов и улиц»... Именно тогда открыли первые народные школы. У них было большое будущее. Головнин ездил во Францию, советовался с министром Гизо, автором знаменитого закона о народном образовании. Открыл учительские семинарии, их опыт позже изучали в Германии. Классы русской стенографии для приготовления публичных присяжных. Школы аграрные, ветеринарные — для выходцев из народа, которые должны были заменить «нынешних знахарей и коновалов» (кто его знает, вдруг бы и заменили!).

Все это намечалось в будущем. А тогда Головнин был увлечен настоящим. Провел реформу чиновничьего аппарата. Заменял окружных попечителей-генералов известными педагогами. Упразднил в Министерстве просвещения цензуру и подготовил закон о свободе слова...

Разномыслие

В соответствии с потребностью жизни. В согласии с предназначениями государя. В единстве с правительством, члены которого заявляли то же самое, с этим шли на общественные преобразования, к этому призывали. Но тут стало выясняться, что по каким-то причинам предложения министра Головнина не находят сочувствия и поддержки в правительстве и других высших учреждениях. Более того, вызывают явные препятствия и противодействия. Головнин не видел в этом тайных козней и объяснял просто — разномыслием. Одна из главок его записок так и называется: «Случаи разномыслия Головнина с прочими министрами и в высших государственных учреждениях».

Первый такой случай произошел буквально сразу после вступления его в должность министра. В январе 1862 г. в Зимнем дворце в присутствии государя собралось совещание. Министр юстиции доложил свое мнение о необходимости

наказать студентов университета за беспорядки. А для этого предложил разбить студентов на разные категории и каждой установить свой тип наказания.

Предложение министра юстиции показалось логичным, и все согласились. Один министр просвещения Головнин выступил против. Он сказал, что даже более строгое наказание в судебном порядке студенты воспримут более спокойно, чем это несправедливое, без суда. И как же можно, удивился он, поступать так с учащимися, когда их учат, что без суда никто не наказуется в благоустроенном обществе? «Все эти аргументы, — записал Головнин, — произвели на присутствующих весьма дурное, неприятное впечатление».

Почему? Очевидно, тут проявилось какое-то разномыслие...

В другой раз Головнин выступил в правительстве в защиту педагогов. Дело вообще было смехотворное. Профессорам, заботам которых вверяли тысячи молодых людей, не доверяли получать без цензуры из-за границы периодические издания. Головнин заметил, что такое недоверие обидно для профессоров. К тому же, бывая за границей, профессора и так все читают. «С мнением Головнина согласился только один член Комитета министров, а прочие заявили, что не находят нужным давать особые права профессорам, в то время как даже высшие государственные сановники, коим следить за ходом политических дел и общественного мнения более необходимо, и то такими привилегиями не пользуются...» И правда. Но тут хоть какое-то основание для разномыслия. Ведь иной раз дело не стоило выеденного яйца. Всем министрам было очевидно, что это так, однако министр просвещения предлагал это вслух и проигрывал. Почему он все время проигрывал? Шел против общего мнения, направления? Не в этом дело. Сговорись он предварительно с тем, другим членом кабинета, попроси поддержки и сам поддержи, когда надо, прошло бы его мнение. Но он был всецело увлечен своим делом. Не сговаривался. Не поддерживал обычных товарищеских отношений между министрами.

А ведь на этом все построено, этим все определяется. Не высшими политическими соображениями, а тем, в каких личных отношениях находится министр просвещения, положим, с министром финансов. От этого зависит состояние народного образования. Поэтому ему отказывали. На учебники для народных школ. На гимнастические снаряды для подрастающего поколения. На новый телескоп. Или на экспедицию для исследования российских владений по островам и берегам восточного океана...

Дело-то обстояло проще. Не показалось в каком-нибудь Государственном совете, в правительстве некое конкретное лицо — и «Российское могущество Сибирью прирастать...» не будет! (А ну как тут разгадка тайны России, загадочной ее души?)

Чего он не мог

Случаи разномыслия встречались все чаще. И самое грустное, замечал Головнин, что государь всегда принимал мнение противоположной стороны, и все это видели. Министр просвещения оказывался в одиночестве. Почему? Может быть, другие министры были необразованны? Маловероятно. Имели иные убеждения, принципы — положим. Он за просвещение, за свободу, за прогресс, а они — против? Нет. Кто же против прогресса! Просто одни министры могли делать нечто такое, чего он позволить себе не мог. Скажем, провозгласить гласность и одновременно преследовать за критику.

Чего он еще не мог? Читать доносы. Сжигал их, не распечатывая. Пользоваться услугами тайных агентов, перлюстрацией, выписками из чужих писем, чем занималось тогда III отделение Его Императорского Величества канцелярии, дабы узнать образ мыслей и действия подданных. Было это в России в то время (впрочем, как и в другие) делом обыкновенным, многие министры этим пользовались. И даже государь. «И это тоже ляжет черным пятном на блестящую историю великих преобразований, которые стяжали безусловную славу императору Александру Николаевичу», — записывает министр просвещения Головнин. Но тут же себя останавливает: «Не надобно искать пятен в солнце».

У него была редкая даже в XIX веке черта: стараться не судить других. Новый 1867 год в своих записках он начал с молитвы: «Даруй мне среди моя прегрешения и не осуждати брата моего». Или по-другому, со свойственной ему математической точностью выражения: «Критиковать других легко, но вряд ли подобная критика может быть сколько-нибудь основательна и справедлива, ибо мне неизвестны все обстоятельства, все понудительные причины их действий, и потому я произношу суждение на неполных данных. Критиковать себя очень трудно, ибо самолюбие прокрадывается в самое осуждение собственных действий и приходится вспоминать поговорку: "Унижение паче гордости"».

Действительно, непросто представить себе, чтобы человек, государственный деятель, в самом разгаре деятельности отстраненный от поста, взяв перо, составил не жалобу, не обвинение для печати, не излил, наконец, на последний случай в записках для немногих негодование на противников, а спокойно и беспристрастно, стараясь судить в себе «как бы действия другого», не оказывая снисходительности и не щадя своего самолюбия, установил, что им самим были сделаны разные ошибки и упущения, которые повредили и делу, и ему лично.

«Ошибки» Головнина

Эта главка записок называется «Ошибки, допущенные Головниным в бытность министром народного просвещения». По его мнению, их было несколько. Первая ошибка, полагал Головнин, состояла в том, что «следуя прежним, господствовавшим у нас понятиям и обычаям (обратите внимание, были, значит, такие понятия. — *А.Ц.*), он прежде чем вступить в должность обязан был переговорить с другими министрами, изложить свои мысли и убеждения, предположительную систему действий и удостовериться, может ли он рассчитывать на помощь и содействие. Затем изложить государю план своих действий, получить одобрение. «А если нет, если воззрения разойдутся, то и не братья за деятельность, которую не мог бы считать продолжительной и прочной...»

Интересно, что скажут по этому поводу современные государственные деятели? Выглядит странно. Назначили человека министром, вручили портфель. Но прежде чем отправиться к себе в кабинет, он идет в другие, самые высокие, излагает предположительную систему действий, свои мысли и убеждения, устанавливает сходство воззрений и, выяснив теперь (правильно, а когда же и выяснять, как не теперь, получив портфель, до этого-то много чего можно наговорить), что воззрения расходятся, возвращает собственными руками портфель министра назад?! Да чтобы еще общество знало, почему (так вот что такое государственное управление)!

Размышляя над его ошибками, можно прийти к выводу, что Головнин просто взялся не за свое дело. Ведь ясно же, что у него полностью отсутствуют главные, известные нам качества государственного деятеля: способность приобретать политических друзей, сбивать «команду». Умение припугнуть, пригрозить, вмешаться в действия других ведомств (чтобы в твоё не лезли). Не уступать ни в чём, спорить до хрипоты по вопросам второстепенным. Негодовать на неисполнение законных требований. Жаловаться государю, делать обиженную мину, шептать на ухо — вот верный, испытанный путь к победе. Однако министр просвещения Головнин делает из разбора своих действий другой вывод. Тоже странный для государственного деятеля. Главное упущение, ошибка в том, говорит он, «что, будучи на стороне истины, не умел доставить ей торжество, не умел выставить её в том виде, при котором отрицание оной было бы совершенно невозможно...»

Разумеется, видя постоянное недоброжелательство и недоверие, он понимал, что его могут освободить в любой день (поэтому, кстати, и не заводил визитных карточек министра). Друзья говорили ему: любезный друг, побереги себя, уходи... Но Головнин поступался самолюбием, потому что хотел довести до конца несколько дел, которые считал важными. И за четыре с половиной года (пятьдесят два месяца, как сам высчитал) кое-что успел. Государственные расходы на образование выросли в России вдвое и стали, пусть ненадолго, самыми крупными в Европе. Получили автономию и поддержку университеты. Сто двадцать одаренных молодых людей, кандидатов на разные кафедры, были отправлены учиться за границу, и через десять-пятнадцать лет загорится созвездие имен — Менделеев, Мечников, Тимирязев, Ключевский...

Новые люди и старые

Увольняя министра просвещения, государь сказал, что вполне ценит его намерения и усердие и ни в чём не может упрекнуть, но против него сильно возбуждено общественное мнение, и что бы он ни делал, всё истолковывается в дурную сторону. «Теперь, — сказал государь, — нужны люди новые».

Действительно, время такое наступало. Правительственные реформы почему-то не получились, в обществе началось брожение, и понадобились новые люди, которые смогли бы разрешить эти вековые российские проблемы между свободой и необходимостью, государством и человеком, словом и делом.

А Головнин был человек старый. Со слабостями, недостатками, которые он почему-то анализировал, размышляя о правительстве, о государственном устройстве своего времени. «Так я давно и часто, — отмечал он в своих записках, — замечал в себе недостаток гражданского мужества, неспособность к самопожертвованию, к риску своим положением, жалованием, состоянием, комфортом...»

Следует заметить, что в ту эпоху риск для человека его положения был не так велик. Государственный пост не так уж поднимал уровень благосостояния над простыми смертными. В конце концов, у него был свой дом в Петербурге, имение в Рязанской губернии, что, вообще-то говоря, естественно (если человек ничего не имеет — очень рискованно делать его государственным деятелем). Видя «ход нашей администрации», Головнин испытывал подчас, по его словам, такое отвращение, такую тошноту, что серьёзно думал, как бы вовсе оставить службу (после освобождения от поста министра он служил в каком-то совете). И

подсчитывал, как устроить жизнь так, чтобы обходиться без жалования. Но были препятствия. Какие же? Тогда, говорил он, придется прекратить расходы на благотворительные заведения в уезде — на больницу, школу мужскую и школу женскую, акушерскую, на пенсии, на ежемесячные пособия увечным и старикам...

И не решался на самопожертвование.

Это качество государственного деятеля он вообще подвергал сомнению, полагая, что без всякой надежды принести какую-либо пользу, без надежды достигнуть цели оно безрассудно, что глупо напрасно раздражать сильного, что вполне можно приносить пользу без самопожертвования, но пользу в умеренном размере, что случаи, когда действительно нужно самопожертвование, встречаются крайне редко, а в наше время, во вторую половину XIX столетия, и вовсе не встречаются.

«Но нельзя, однако, не сказать, — замечал он в то же время, — что под влиянием этой аргументации душа становится как-то мельче и благородные порывы являются реже и реже...»

Неизвестное устройство

На его лицейской золотой медали выпускника сороковых годов девятнадцатого века значилось: «За добронравие и успехи». Но что, спрашивал себя Головнин, в сущности значило слово «добронравие»? Просто безмолвное повиновение. Угождение начальству. И как судить известных людей, которые последовали воззванию Пушкина «Пока сердца для чести живы...»?

В своих записках он часто вспоминает Пушкина, Дельвига, цитирует стихи... Лицейская привычка. И все-таки он считал, что они были безумцами. Безумцами, которые действовали благородно, с самопожертвованием, но приносили отчизне больше вреда, чем пользы, возбуждая репрессии, усиливая тяжести гнета. Они были безумцами, потому что не сообразили, что нельзя достигнуть ограничения самовласти там, где огромное большинство вовсе не желает этого и прямо предпочитает жить под неограниченной властью Единого, чем под управлением сонма так называемых народных представителей, что нельзя устроить республику там, где нет республиканцев...

Как большинство современников, Головнин был, видимо, монархистом. И хотя сам пытался осуществить удивительную общественную реформу, ему не приходило в голову называть ее демократической. Впрочем, по запискам чувствуется, что безумный вопрос этот волновал его до конца жизни. «Пушкин писал в 1818 г. Сейчас 1886-й. Никому не известно, когда Россия воспрянет ото сна, через сколько поколений это случится...»

Каждый раз думаешь, что это случилось сегодня. Теперь, с нами, что тогда они пытались, но у них не вышло в силу объективных условий и обстоятельств. Почему государственная реформа Александра II не состоялась и все пошло назад, к Николаю I? А возникли неблагоприятные обстоятельства. Смягчили цензуру, дали свободу слова — вышла из берегов печать, обрушилась на правительственные реформы. А если бы этого не случилось?.. Если бы, когда открыли дорогу предпринимательству — торговым ассоциациям, биржам, банкам, — не выросло в неимоверных масштабах казнокрадство? Не обнаглели бы революционеры-демократы, не вспыхнули бы восстания в национальных окраинах? Не было бы, наконец, выстрела в государя, тогда бы...

Интересно, удалось бы тогда Головнину довести свою образовательную реформу до конца, возникло бы цивилизованное общество? Чем больше думаешь, тем яснее осознаешь, что суть этой истории — не столкновение хорошего человека с плохими, или даже не плохими, а просто сидящими в государственной машине, в то время как он в ней не сидит (ведь и сам писал, что его никак нельзя считать членом правительства, которое тогда, в середине девятнадцатого века, заведовало судьбами России, и не может разделить ни славы того правительства, ни упреков к нему).

Нет, суть этой истории, по-моему, в другом. В столкновении людей из одной, хорошо известной нам государственной машины с человеком из машины нам неизвестной. Во всяком случае, мы никогда в нее не садились, не изучали, не трогали рычаги. Да и не машина это...

У такого неизвестного нам «устройства» совершенно другие функции, способы действия. Другие ценности, цели. Какова тут роль просвещения? Разумеется, все правительства считают, что оно важно. Но весьма немногие осознают, что оно — главное. «Что все остальные отрасли государственной или правительственной деятельности должны быть только средством для преуспевания просвещения, цель которого — развитие высшей духовной природы человека...» Государственного деятеля. Общества...

Туманно? Сумрачный хмурый Петербург. На бывшей Гагаринской набережной, между институтами археологии, астрономии и общего образования взрослых, стоит безымянный заброшенный дом. Из балкончика пророс куст. Дверь заколочена, окна на первом этаже закрыты жестью, на других — мутные... А были светлые. В середине позапрошлого века тут находился кабинет министра просвещения Александра Васильевича Головнина.

По иронии судьбы прямо напротив его дома, на том берегу Невы, стоит «Аврора».

Частная история

Но довольно министров, обратимся к обычным людям.

Перейдем от государственной истории к частной, доверять которой, по-моему, больше склонен Андрей Русаков, разбирающий завалы к разным входам в культуру.

Следуя за ним, я зашел в Народный архив, размещавшийся еще недавно в Москве, на Никольской улице. Собачник гулял в Замоскворечье и подобрал дамскую сумочку — потертый ридикюль, а в нем очки без стекол, перо №86 и пачка писем с Первой мировой.

Похоронки, фотографии, открытки, коммунальные счета, трамвайные билеты — в Народном архиве хранится то, от чего отказываются архивы государственные. Частные истории никому не известных людей.

Когда-то я рассказал о двух таких историях. Одна — в дневниках Наташи Ходот, восторженной, переполненной жизнью гимназистки («Четверг, число... шут его знает какое число... Весна, весна, что может быть лучше!»). Она умерла в четырнадцать лет от туберкулеза в 1923 году, и остались две тетрадки, одна в красном, другая в черном переплете, с засушенной фиалкой меж страниц. И свидетельство — спустя семьдесят лет — ее старшего брата, профессора Владимира Владимировича Ходота. Разглядывая под увеличительным стеклом вылинявшие строчки, он разобрал от начала до конца дневник Наташи, передал из

семейного архива в народный. И рассказал мне и другим людям, что произошло за этот трагический, бессердечный век с «героями» радостных дневников Наташи. «Проблэма, — как по-старомодному выразился последний из Ходотов. — Надо бы ее продумать до конца».

К концу того века или, может быть, уже в веке нынешнем составлен список палачей и жертв. Тех, кто хотел крови и кто ее не желал, зато и пролил сам. А тут, в дневниках веселой девочки, гимназистки Наташи — абсолютно целая, до конца прямая, несломленная, совершенно аполитичная судьба. Принадлежит она нашему веку — или нет? Вот два мерила, две чаши весов. На одной — монументы, скрежет железа, грохот взорванных дворцов и проложенных путей, а на другой — жалкая фиалка, засушенная в тетрадке. И каков итог, что перевешивает — скрежет железа или дыхание увядшего цветка?

Это о русской культуре, о переосмыслении ее, о поиске других входов, о которых пишет мой друг Андрей Русаков. О том, что частная человеческая история, вообще-то, не менее (а по-моему — более) важна, чем государственная, надо только поменять оптику, взглянуть на происшедшее и происходящее с нами с другой точки зрения.

Записки немолодого отца

А другую историю из Народного архива составили два рукописных дневника. Один вел от лица своей дочери Христины с первого дня ее рождения немолодой отец, князь С. В. Голицын. Четверг, 7 июля 1871 г. «...Я делаюсь заметно понятливей. Отца я уже твердо узнаю, особенно, когда он в красной блузе, не принимаю его больше за мать, не лезу к нему с просьбой, чтоб он накормил меня, а просто улыбаюсь ему и ловлю его за седую бороду...»

Совсем иной, чем наш, поток времени, с иным отсчетом в календаре. Совсем иной поток, чем тот, который бурлит вокруг современников маленькой княжны и ее стареющего отца. С другими событиями, отсчитываемыми от рождества Христины. На восемнадцатый день она терпеть не может пеленок. На тридцать шестой — села, держа прямо голову. День сотый — опасно дует из окна, не простудилась бы... прорезываются зубки. Христина жует фиалковый корень. Ни волнения в Польше, ни покушение на государя, ни споры об эмансипации не нашли отражения в дневнике — только чем кормили, во что играли, в котором часу укладывали. Сущие пустяки. Играла, ударилась о стул, отец приложил холодный компресс, боль прошла, маленькая шишечка осталась. Откуда любовь?

Дневник этого отца, князя Сергея Владимировича Голицына, попал мне в руки сто с четвертью лет спустя. По странному совпадению — незадолго до рождения моей собственной дочки Юлии. Оказалось, что мы с ним сверстники и оба немолодые отцы. И я тоже стал вести дневник. Так возникла тема.

«...Лето 2000 года, Юленьке скоро два.

Работаю в кабинете. «Окой дев» — «Что?» — «Окой дев». Не понимаю, чего она хочет. «Окой дев, — настойчиво повторяет она. — Окой дев! Окой дев!»

Наконец до меня доходит — «открой дверь».

Вот так ребенок достучивается до взрослого...»

А он, зачем он записывал все эти 1526 первых дней от рождества Христины? Что тут? «Жизнь наша продолжает течь однообразно, — выведено красными

чернилами круглым почерком матерью во время отъезда отца. — Нынче опять не случилось ничего, достойного перейти в потомство».

А что было? «Вечером плясали, играли, пили чай, ели орехи...»

И вся жизнь? Ничего достойного?

О матери. «У нее очень болит правая грудь, и когда я сосу ее, боль делается невыносимой. Тем больше я должна буду ценить и любить мою мать».

О будущих супругах. «Лишь бы мы были хорошими людьми и любили друг друга».

О детях. «Я буду растить их в презрении всяким предрассудкам».

О близких. «Какая несносная моя няня. Ни в чем не знает она умеренности: ест, так объестся, квас готова пить ушатами. Начнет мыться, так всю воду, весь пар и жар готова потребить на себя одну. Перессорилась со всеми... Впрочем, — записано в дневнике, — отец любит брать в людях то, что в них хорошо, снисходя к их недостаткам».

О себе. «От чувства пользы не может быть покоя, а угрызения совести бывают часто».

Обо всем. «Роптать на судьбу стыдно...»

Кому это адресовано? Для кого писался «Дневник Христины»? Ее уже давно нет на свете, она умерла в 1932 году. Родственница ее, Наталья Алексеевна Пузыревская, урожденная Маклакова, диспетчер «Скорой помощи», незадолго до своей смерти передала дневник в Народный архив, что в старой Москве на Никольской улице, где я и нашел его.

Разбирал с лупой день за днем, пока моя дочка спала, параллельно писал свой дневник. Авось кому-то пригодится...

Ничто не вечно, когда-нибудь всему приходит конец. Слабеет бывшая мощь, тускнеет слава, развеиваются иллюзии. Остается неизбежным то же, что и всегда, — детство, отцовство...

Такая старая страна. Усталая страна.

Но кто сказал, что у нее не может еще родиться ребенок? И начаться новая жизнь — исчисляемая от его рождения?

Смена пейзажа. Страна для детей. Страна взрослых

Андрей Русаков вспоминает эмигрантскую строку Игоря Северянина «...Вернуться в дом Россия ищет троп», замечая, что едва ли не большая часть населения страны ощущает себя словно в эмиграции, изгнанной из дома на какие-то «пути», наблюдает происходящее словно через стекло застрявшего в тупике вагона. «Пора возвращаться. Уходить с большой дороги и сворачивать к дому», — обращается к нам автор.

«...Про прошлое и даже про настоящее, общие ценности, пределы допустимого и запретного многим из нас уже не договориться, но мы можем договориться о том, что понятно всем: обсуждая Россию как страну, обращенную к детям. Как детям рядом с нами живется? На что они могут надеяться? Какой дом, город, область, страну мы им оставим?»

Не «страна дедов», а страна детей и внуков.

«...Вот — страна «от дома до работы», страна «где пьют и зарабатывают», «падут и отрываются», где что-то истерично чтят и нечто настойчиво ниспровергают».

А вот — страна, уютная для детей, удобная для семейной жизни и воодушевляющая возможностями состояться в завтрашнем дне.

Каждый может оценить меру необходимых усилий для смены пейзажа».

Но страна для детей — это обязательно и страна взрослых.

«Тех, кто ответственно укрепляет общий с детьми житейский мир и демонстрирует образ «достойной взрослости»».

Пора взрослеть...

Упорно создавать, разворачивать такое общественное пространство, в котором разговаривают взрослые люди о взрослых вещах. Что это за вещи? Прежде всего, пишет Андрей Русаков, это — домашнее измерение, экономика согласия. Человек у себя на родине, с маленькой буквы.

«Не вообще в державе, а в своей стране — тех масштабов, которые человеку близки по складу биографии. Где он находит то, что для него лично дорого».

Эти люди дороги и мне.

Азбука достоинства

Я всю жизнь работаю с ними, пишу о них, и многие годы экспедиций и путешествий по России убедили меня, что люди не перевелись, и они живут, мыслят, действуют в начале XXI века, как мыслили и действовали в других обстоятельствах и в двадцатом, и девятнадцатом...

Они встречаются всюду. На любую букву алфавита.

...Алтай. Народная библиотека в Уймонской долине, которую открыл летчик Леонид Калошин.

...Башкирия. Удивительная школа заповедника Шульган-Таш — с реликтовыми рощами, бортничеством, каповыми пещерами, первобытными рисунками — прекрасный мир, который охраняют от уничтожения очередной «стройкой века» Людмила Кичаева, Александр Волков, Марат Муллагулов...

...Вологодская область и ее жители, среди них удивительный директор учебно-воспитательного учреждения закрытого типа для детей с девиантным поведением (проще говоря, колонии) Алексей Пикунев. Учителя из села Борисово-Судское братья Сальниковы, воспитывающие в сельской школе ученых... Люди, говорящие своей жизнью о том, как старое обновляется, а новое становится старым, и о том, как научиться жить, не боясь свободы. Не большинство или меньшинство, а отдельное, уникальное, реликтовое оказывается показателем благополучия или неблагополучия места, в котором мы обитаем.

...Тамань, жизнь среди синего, белый парус надежды, за которую воюют сколько уже лет с теми, кто задумал превратить край во взрывоопасное хранилище, экс-глава Тамани Геннадий Майков и его друзья.

...Красноярский край, Енисейск, гимназия с крутыми ступеньками, по которым поднимался великий исследователь Арктики Фритъоф Нансен, выступавший перед детьми в 1913 году и написавший книгу о Сибири «Страна будущего», а оказалось... Город вечных ссыльных, карта не путешествия, а конвоя.

И проект молодой учительницы и учеников этой гимназии, выполненный в наши дни, совершенно не в духе Нансена: «Изгнанные в Сибирь глазами потомков». В нем эти мальчики и девочки рассказывают историю своих родных, репрессированных и сосланных в Красноярский край в 30—40-е годы двадцатого

века. Будущее зависит от них, от этих замечательных ребят, которым сегодня 14—15 лет.

...Якутия. Изумляющий северный прыжок в другое будущее, в высоту, который состоялся благодаря моему другу — педагогу, филологу, мыслителю и лидеру инновационного сообщества Николаю Бугаеву и его друзьям и коллегам.

Сколько таких людей, которые могут изменить пейзаж страны?

Страна возможностей

«Не будем предаваться иллюзиям. Никакой великой демократической России мы при жизни не увидим, — спускает с небес на землю Андрей Русаков и ищет выход: — Но добиваться паритета бюрократических сил и демократических практик, административной жестокости и человечности, безразличия к людям и уважения к ним — можно и должно».

Надежда — на людей горизонтали (а не «пирамиды Хеопса», как заметил о властном управлении другой мой друг, чиновник-новатор Евгений Куркин).

Надежда — продолжает Андрей Русаков из другого поколения — на «людей каркаса», людей ответственности, на которых ложится тройная нагрузка. Искать друг друга, налаживать сотрудничество и совместно решать сверхсложные проблемы. Блокировать негатив, идущий с централизованных верхов, минимизировать сваливающиеся оттуда беды, отвоевывать фактические полномочия (прежде всего, заметим в скобках, на низовом уровне, в многочисленных поселениях страны, куда в силу физической невозможности, да и просто лени, можно надеяться, не доберутся ни верховные правители, ни их наместники).

И еще — поддержка тех, кто далек пока от самостоятельности и ответственности.

Мыслимо ли это дело? Подъемно ли? Сколько таких «людей каркаса» есть в стране?

Примеры, которые перед глазами, говорят, что достаточно двенадцати процентов, чтобы изменить пейзаж, возродить федерацию, создать «страну возможностей», многообразия...

Ее не создать простой поддержкой местных «самобытностей».

«Страна засветится, — пишет Андрей Русаков, — когда в каждом обжитом месте будут пульсировать, соединяться, обновляться различные культурные традиции, а перед каждым жителем будут открыты деловые, культурные и образовательные сообщества из многих мест».

Карта «страны возможностей», по Русакову, выглядит не разделенной на разноцветные лоскуты, а переплетенной разноцветными нитями. И для того чтобы это произошло, необходимы грамотная разведка и эффективное использование культурных ресурсов, чем, собственно, и занимаются мой друг Андрей Русаков и другие наши общие добрые знакомые и друзья.

Люди с доброй приветливой улыбкой, которые неприметно, изо дня в день, плетут кружево сотрудничества и практических дел. И дарят воздух надежды.

То, что предлагает начать нам делать теперь же, не откладывая на завтра, Андрей Русаков, — это «переоткрытие культурного прошлого и настоящего», что, вообще говоря, есть норма национального развития. Кстати, из пятидесяти стран, попытавшихся в последние десятилетия сделать скачок из традиционного общества в современное, получилось у пяти. И во всех случаях того качественного преобразования, что носит название социокультурной модернизации (вслед

за Японией ее осуществили «молодые драконы» Юго-Восточной Азии, теперь пробует Китай), происходит глубинное переосмысление собственной культуры, обращение к иным образцам, ценностям.

P.S. Когда я готовил эту статью, то попросил Андрея Русакова прислать список изданного им за эти в общем немногие пятнадцать лет. Догадывался, что немало, но не мог вообразить, что «полочка педагогических книг из подготовленных А. Русаковым» будет включать... за триста наименований.

Среди этих более чем трехсот изданий — книга газетных статей Симона Соловейчика (из них Андрей составил даже несколько книг), удивительная «Тысяча мелочей большой дидактики» удивительного педагога Елены Яновицкой, которая конкретизировала в педагогических деталях, приемах и сделала доступным для всех учителей и детей в двадцатом веке то, что классик педагогики Ян Амос Коменский создал в самом общем виде в семнадцатом. Книга «Что хранится в карманах детства» создателя замечательного разновозрастного, до сих пор живущего сообщества Татьяны Бабушкиной, книга «Школа будущего, построенная вместе с детьми», директора самой свободной, демократической школы страны Александра Тубельского...

Многие авторы книг, составителем и редактором которых стал Андрей, были совершенно неизвестны широкому кругу, а иногда даже специалистам. Что говорило академической среде, педагогам имя Евгения Шулешко, книга которого «Понимание грамотности. Условия успеха. Метод обучения» издана Андреем Русаковым в двух томах? Что слышали современные учителя о Татьяне Львовне Сухотиной-Толстой, Юлии Ивановне Фаусек, Елизавете Ивановне Тихеевой («Три путешествия в Рим к Марии Монтессори»)?

Я.Симонович, А.Симонович. Организация детского сада в XIX веке. Статьи из первого российского дошкольного журнала (ред.-сост. А.Русаков, 2014, и такой же том — в начале XX века, и такой же — в годы революции).

Шеститомник о современных детских поэтах, прозаиках и переводчиках под редакцией Михаила Давидовича Яснова, старшего друга Андрея.

Собственных книг немного. «Школа после эпохи перемен», написанная Андреем Русаковым в 1999 году. Не педагогический роман, не монография. Обзорение того, что происходит в школе и образовании; жанр, кажется, скромный, но это смотря как обозреть. То, как это делает Андрей Русаков, можно, по-моему, без всяких натяжек отнести к самым замечательным образцам педагогической мысли.

И «Школа перед эпохой перемен» — книга, написанная и изданная спустя пятнадцать лет. Книга об образах позитивного национального будущего, которые может предложить России ее педагогический опыт. О том, как осмысление педагогических дел и событий может послужить учебником для проектов общественного развития, а общественные практики могут непосредственно опрокидываться в реалии школьной жизни.

Мне кажется, что между этими трудами Андрея Русакова и статьей нынешнего года в «ДН» — самая непосредственная, прямая связь.